

УДК 81'373.211.1

Современная ойконимия витебского пограничья как объект лингвокультурологического изучения

Генкин В.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Лимология, или наука о пограничье, относится к числу приоритетных направлений современных исследований. В ее русле работают представители многих научных дисциплин. Особый интерес представляет пограничье как объект лингвокультурологического и, в частности, топонимического изучения.

Целью данной статьи является комплексное рассмотрение ойконимии витебского пограничья, которое представлено тремя разнородными линиями.

Материал и методы. Основным материалом исследования послужили названия населенных пунктов, расположенных на приграничных территориях. Используя различные методы анализа материала (описательный, сравнительно-сопоставительный, этимологический и др.), автор выявляет специфические черты пограничных ойконимов.

Результаты и их обсуждение. Обосновано выделение трех лингвокультурных и топонимных границ, находящихся на территории современной Витебской области: 1) восточной и юго-восточной границы, отделяющей регион от сопредельных областей Российской Федерации; 2) северо-западной, примыкающей к государственной границе Республики Беларусь с Литвой и Латвией; 3) внутренней, делящей Витебщину на две части по конфессиональному, диалектному и топонимическому признакам. Охарактеризованы особенности каждой границы, выявлены отдельные черты взаимодействия и взаимовлияния культур и языков на пограничных территориях. Установлено, что топонимная и лингвокультурная граница не представляет собой четкой линии, а является некой «буферной» территорией.

Заключение. Изучение топонимии пограничья дает возможность выявить тенденции взаимодействия языков и культур, отразившиеся в данном пласте имен собственных. Наиболее яркими особенностями обладают приграничные территории, разделяющие неблизкородственные народности и языки. Близость культур и языков соседних народов делает понятие границы условным.

Ключевые слова: Витебщина, лимология, ойконимия, топонимия, топонимное и лингвокультурное пограничье, этнотопонимы.

(Ученые записки. – 2018. – Том 25. – С. 56–61)

Modern Oikonimiya of Vitebsk Borderland as the Object of the Linguistic Culture Study

Henkin V.M.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. University", Vitebsk

Limology, or the science of the borderland, is one of the priority areas of modern research. The representatives of many scientific disciplines work in this scientific area. The borderland as the object of linguocultural and, in particular, toponymic study is of a particular interest.

The objective of this article is a comprehensive study of the oikonymy of the Vitebsk borderland represented by three heterogeneous lines.

Material and methods. The main material of the study consists of the names of the settlements located on the border territories. Using various methods of material analysis (descriptive, comparative, etymological, etc.), the author reveals the specific features of borderline oikonims.

Findings and their discussion. The selection of three linguistic and toponymic boundaries located on the territory of the modern Vitebsk region is substantiated: 1) the eastern and south-eastern border separating the region from the adjacent regions of the Russian Federation; 2) north-west, adjacent to the state border of the Republic of Belarus with Lithuania and Latvia; 3) internal, dividing Vitebsk region into two parts according to confessional, dialectal and toponymic features. The characteristics of each borderline are described, certain features of interaction and interference of cultures and languages in border areas are revealed. It is established that the toponym and linguocultural border does not represent a clear line, but is a kind of "buffer" territory.

Conclusion. *The study of the toponymy of the borderland makes it possible to identify trends in the interaction of languages and cultures, reflected in this layer of proper names. The most striking features are the border areas that separate non-slavic peoples and languages. The proximity of cultures and languages of neighboring peoples makes the concept of the boundary conditional.*

Keywords: *Vitebsk region, limology, oikonymy, toponymy, toponym and lingvocultural borderland, ethnotoponyms.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 25. – P. 56–61)

Научный интерес к проблематике пограничья очевиден и вполне закономерен. Границы (государственные, исторические, этнические, региональные и др.) формируют возле себя особое пространство, в котором смешиваются и взаимодействуют разные (хозяйственные, культурные, языковые) традиции, где совмещены особенности двух и более стран (регионов), что, естественно, привлекает к себе внимание исследователей, работающих в различных научных областях. Уже в конце XIX века начинает формироваться особая научная дисциплина – *лимология* (от греч. *limes* – граница и *logos* – учение), которая сегодня превратилась в «междисциплинарную область знания, развиваемую политологами, социологами, этнологами, психологами, антропологами, юристами, экономистами, физиками, географами и даже специалистами по техническим наукам» [1].

Лингвистический, и в частности ономастический, аспект исследования приграничья также представляет собой одно из приоритетных направлений соответствующей дисциплины. Нужно отметить, что в последние десятилетия знания в этой области значительно расширились и начали приобретать системный характер, хотя ономастические работы, выполненные в русле лимологии, в большинстве своем имеют региональный характер (что, впрочем, естественным образом вытекает из логики данной науки).

Переходя непосредственно к характеристике витебского пограничья, отметим, что оно особенно активно изучается представителями витебской и смоленской ономастических школ. Результаты исследований регулярно обсуждаются на научных форумах, например таких, как Международный методический семинар «Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние» (Смоленск, 1 декабря 2011 г.), Международная научно-практическая конференция «Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы» (Смоленск 17 – 18 марта 2015 г.), Международная научно-практическая конференция «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования» (Витебск, 18 – 19 февраля 2016 г.) и др. Только за последние пять лет появилось несколько научных изданий, где одну из центральных позиций занимают работы, посвященные ономастикону пограничья, среди которых выделим материалы вышеуказанных конференций [2] и коллективную монографию «Смоленщина и Витебщина

в языковых и культурных контактах: история и современное состояние» [3]. Структурно-семантический аспект топонимии смоленско-витебского приграничья стал предметом диссертационного исследования О.С. Евсеевой, защищенного в 2015 году [4].

При всем этом говорить о достаточной степени изученности топонимикона витебского пограничья еще преждевременно. Как видим, акцент в изучении пока делается в основном на восточной и юго-восточной части границы Витебщины с соседним (смоленским) регионом, где взаимодействуют белорусская и русская языковые стихии. Значительно меньше изучена в топонимическом отношении территория границы области с прибалтийскими государствами – Латвией и Литвой. Нуждается в более пристальном исследовательском внимании и витебско-псковское пограничье.

Кроме того, практически все имеющиеся работы как раз и ограничиваются описанием имен собственных одной части витебского пограничья. Исходя из такой ситуации, мы поставили **цель**, во-первых, провести **комплексный** анализ приграничной ойконимии; во-вторых, включить в предмет исследования и названия населенных пунктов, которые располагаются на землях **исторического пограничья**. Как известно, территория современной Витебской области, представляющей сегодня один из шести регионов Республики Беларусь, в разные эпохи входила в состав различных государств (Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, Советского Союза), причем далеко не всегда в своей полной или относительно полной форме. В качестве примера достаточно привести изменение государственной границы, произошедшее в 1939 году и объединившее юго-восток области, на тот момент являвшийся советским, и северо-запад, бывший частью Польши. Эта историческая граница до сих пор актуальна как линия, разделяющая две относительно разные в лингвокультурном отношении территории. Их различают несколько важных культурных и языковых факторов: доминирование одной из двух христианских конфессий (православия или католицизма), особенности диалекта, специфика антропонимикона и топонимикона.

Материал и методы. В качестве основного материала исследования выступают названия населенных пунктов современной Витебской области, расположенных в непосредственной бли-

зости от белорусско-литовской, белорусско-латвийской и белорусско-российской границ, а также населенных пунктов, находящихся на территории исторического пограничья. С целью выявления специфики приграничной ойконимии для сравнительного анализа привлекались другие комонимы и астионимы Витебщины, а также названия приграничных поселений сопредельных государств. Заявленная выше цель и специфика материала обусловили выбор используемых методов и приемов исследования, в числе которых необходимо отметить описательный, сравнительно-сопоставительный, этимологический методы и метод структурного анализа. Сравнительно-сопоставительный метод продиктовал также необходимость периодического обращения к количественным подсчетам.

Результаты и их обсуждение. Для успешного решения обозначенных задач нам, в первую очередь, необходимо было конкретизировать понятие «пограничье», которое, как известно, сегодня широко используется представителями разных дисциплин, но при этом имеет далеко не всегда тождественное содержание и/или одинаковый объем. Не ставя цели давать подробный обзор взглядов на проблему определения пограничья как объекта исследования, выделим две основополагающие, на наш взгляд, позиции, на которые часто указывают авторы работ, посвященных данной проблематике. Во-первых, *пограничье*, понимаемое в лингвокультурном смысле, предполагает нахождение территории вблизи границы, разделяющей носителей разных, хотя и, возможно, относительно близких культур и языков (диалектов). Во-вторых, представители этнокультурных групп должны активно взаимодействовать, а результаты такого взаимодействия – закрепиться в их языке и культурных традициях. При таком подходе все рассматриваемые нами границы (современные государственные и внутренняя историческая) будут соответствовать требованиям данного исследования.

Мы полагаем, что наряду с термином «административно-территориальная граница» целесообразно использовать понятие «топонимическая и лингвокультурная граница», которая может либо приблизительно соотноситься с официальной, либо вовсе не совпадать с ней. В большинстве случаев топонимическую границу вообще нельзя нанести на карту в виде четкой линии, так как национальные или региональные топонимические системы не завершаются резко и зримо, а образуют «буферные» зоны, в которых наиболее активно смешиваются разнородные элементы. Последнее обстоятельство, во-первых, как раз и обуславливает феномен ономастического пограничья; во-вторых, отражает идею полевой структуры топонимической системы.

Таким образом, можно выделить три топонимические границы, каждая из которых, как можно предположить, будет иметь свои особенности.

1. Восточная и северо-восточная топонимическая граница, которая сегодня разделяет территорию Республики Беларусь и Российской Федерации. Это самая протяженная пограничная линия на карте Витебской области. Непосредственно на востоке Витебская область тремя своими районами (Витебским, Дубровенским, Лёзненским) граничит со Смоленской (Велижским, Краснинским и Руднянским районами). Северо-восточная часть – это граница с Псковской областью Российской Федерации. Ее формируют со стороны Витебщины территории Верхнедвинского, Витебского, Городокского, Полоцкого и Россонского районов, со стороны Псковщины, соответственно, Невельского, Себежского и Усвятского.

2. Западная и северо-западная граница, отделяющая Беларусь от Литвы и Латвии. На границе с Латвией, примыкающей к Беларуси одной из своих исторических областей – Латгалией, находятся земли, относящиеся к Браสลавскому, Мёрскому (незначительный отрезок) и Верхнедвинскому районам. На границе с Литвой расположены Браславский и Поставский районы.

3. Историческая граница, которая, если рассматривать современную территорию Витебской области, по сути, является внутренней и делает приграничными практически половину районов.

Как видим, современная Витебщина, совмещая в себе линии трех границ, представляет уникальный регион для лингвокультурологического исследования. Охарактеризуем подробнее каждую из этих трех границ и их приграничных территорий.

Первая, состоящая из двух частей (восточной и северо-восточной) топонимическая граница представляет собой территорию, на которой белорусская топонимическая система начинает плавно переходить в русскую. В лингвокультурном плане отрезок границы со Смоленщиной и Псковщиной в значительной степени условен, так как исторически не разделяет четко два народа, а, скорее, обозначает территорию, на которой их представители проживали совместно. Согласно картам, которые были составлены Е. Ф. Карским, М. В. Довнар-Запольским и членами московской Диалектологической комиссии, **в отдельных уездах Смоленщины, особенно Рославльском и Краснинском, белорусы составляли практически половину (а где-то и большую часть) населения.** Смоленские говоры, особенно это касается их западной части, весьма насыщены белорусизмами.

Энциклопедическое издание «Смоленская область» свидетельствует о том, что «современная конфигурация западного отрезка границы Смоленской области окончательно сформировалась в 1922-1929 гг. В этот период произошло национальное размежевание русских и белорусов

в зоне совместного проживания на указанной территории» [5]. **Часть территории Витебщины вошла в состав Смоленской губернии в 1919 году, когда последней «из Витебской губернии были переданы волости Руднянская, Микулинская, Любавичская, Хлыстовская» [5].** Естественно, что к данному времени топонимическая система была уже сформирована, а произошедшие в ней более поздние изменения имеют частный характер.

Созданная в 1772 году по Указу Екатерины II Псковская губерния первоначально включала в себя 5 провинций: Великолукскую, Двинскую (центр – г. Динабург, ныне Даугавпилс, Латвия), Псковскую, Витебскую и Полоцкую. Две последние представляют собой исторически белорусские территории. Декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 24 марта 1924 года в состав Псковской губернии были включены бывшие уезды Витебской: Велижский (включая современные Усвяты), Невельский и Себежский, то есть псковское пограничье де-факто является прямым продолжением белорусской топонимической системы. Анализ исторических фактов приводит к выводу о том, что реальная топонимическая граница, понимаемая в лингвокультурном аспекте, значительно сдвигается в сторону современной Псковщины, удаляясь от государственной и межрегиональной.

Анализируя ойконимию белорусско-российского пограничья, нужно принимать во внимание и тот важнейший факт, что по историческим и иным причинам лингвокультурного характера сами топонимические системы соседних регионов имеют много общих черт, выявляемых на разных уровнях: структурно-грамматическом, семантическом, этимологическом.

Проведенные нами исследования (об их результатах неоднократно докладывалось на указанных во введении форумах) позволяют утверждать, что в ойконимии Витебщины и Смоленщины используется практически одинаковый набор словообразовательных типов, моделей и ойконимных формантов. Обнаруженные отличия связаны в основном с продуктивностью тех или иных моделей и, как следствие, распространенностью тех или иных типов названий.

Для всех восточнославянских территорий характерно значительное число ойконимов, образованных посредством прибавления посессивных в своей основной функции формантов *-ово*, *-ево*, *-ёво*. В современной Смоленской области более 20% названий населенных пунктов оформлены этими топонимическими суффиксами (*Абрамово*, *Агафоново*, *Андреево*, *Блиново*, *Голочево*, *Гончарово*, *Дроздово* и т. п.), тогда как в Витебской – 15,36% (*Абрамово*, *Андреево*, *Антуново*, *Бычково*, *Волково*, *Обухово*, *Ольгово*

и др.). Попутно обратим внимание на повторяемость здесь и далее отдельных названий, приводимых в качестве примеров. Показательно, что в приграничных со Смоленщиной районах количество ойконимов данного типа значительно выше среднеобластного уровня: в Витебском районе чуть более 20%, Дубровенском – 15,87%, Лёзенском – 29,45%. В русской и белорусской ойконимии распространен (однако не в одинаковой степени) еще один посессивный формант – *-ино*, *-ыно*. Сегодня на Смоленщине 14,13% названий населенных пунктов (вторая позиция по продуктивности) образовано при его участии: *Алексино*, *Батурино*, *Болдино*, *Васькино*, *Ильюшкино*, *Клемятино*, *Капустино*, *Кобылкино*, *Кузино*, *Софьино* и др. В Витебской области доля таких названий составляет 5,39 % (третья по продуктивности словообразовательная модель): *Бородино*, *Васькино*, *Гурино*, *Зюзино*, *Капустино*, *Мазурино* и т. д. Вторую же позицию на Витебщине занимает группа названий с формантом *-щина* и его производными: *Абрамовщина*, *Альбиновщина*, *Боярщина*, *Гаспаровщина*, *Григоровщина*, *Козловщина*, *Осиповщина* и др. На Смоленщине сохранилось всего 29 населенных пунктов (1,5 % от общего числа), содержащих в названии этот топонимический суффикс: *Агеевщина*, *Богдановщина*, *Боярщина*, *Монастырщина*, *Ситовщина* и т. д. Более чем в два с половиной раза отличаются процентные показатели ойконимов, оформленных при помощи топонимических суффиксов *-ичи* (*-овичи*, *-евичи*): 4,24 % для Витебской области (*Алексиничи*, *Амбросовичи*, *Бездедовичи*, *Захарничичи*, *Карповичи*, *Ковалевичи* и многие др.) и 1,6 % для Смоленской (*Астапковичи*, *Бобровичи*, *Василевичи*, *Волоковичи* и др.). По мнению В.А. Никонова, восточная часть славянского населения, у которой названия на *-ичи*/*-ычи*, *-овичи*, *-евичи* были особенно продуктивными, стала позднее «основой белорусской народности» [6]. Продолжая эту мысль, отметим, что вообще названия в форме множественного числа, которые более свойственны белорусской ойконимии, на территории сопредельных регионов постепенно сокращаются в количественном отношении и, соответственно, имеют меньшее разнообразие мотивирующих основ: если даже по востоку Беларуси доля таких ойконимов составляет приблизительно 45 %, то, например, на Смоленщине насчитывается только 17,55 % подобных названий.

Переходя к анализу формантных особенностей названий населенных пунктов белорусско-литовского и белорусско-латвийского пограничья сразу отметим, что общая топонимическая «картина» становится более яркой и контрастной, так как здесь сталкиваются и переплетаются культуры и языки, имеющие значительно большую степень отличия. Особую активность

проявляют топонимные суффиксы, заимствованные из балтийских языков. Один из них, формант *-ишки* (*-ышки*), является самым продуктивным заимствованным словообразовательным элементом, закрепившимся в витебской ойконимии, и занимает седьмую позицию по этому показателю. Сегодня он встречается в названиях 158-и населенных пунктов (и это при значительном сокращении общего числа ойконимов, включая названия этого типа), из которых 116 (73,42%) расположены на территории Браславского района, граничащего сразу с двумя прибалтийскими государствами (Литвой и Латвией), 36 – на территории Поставского района (граничит с Литвой). Оставшиеся шесть ойконимов разбросаны по другим районам области. Следует отметить и разнообразие ойконимообразующих основ, к которым присоединяется данный формант. Среди них однозначно преобладают антропонимные основы, причем как белорусские, так и заимствованные. На белорусских и российских приграничных территориях рассматриваемый формант встречается единично: в Смоленской области при его помощи оформлены только три названия. Во многом аналогична ситуация с адаптированными, «ославянненными» суффиксами *-яны*, *-яты* и некоторыми другими.

Формантный анализ оказался эффективным и при установлении третьей, внутренней, границы, делящей территорию области на два топонимных региона: северо-западный и юго-восточный. Если юго-восток выглядит в топонимном отношении вполне восточнославянским, то северо-запад «инкрустирован» балтизмами и полонизмами, причем в отдельных районах весьма насыщенно.

Отдавая себе отчет в том, что сам по себе формантный анализ напрямую не направлен на выявление лингвокультурных, ментальных и иных особенностей номинатора, мы, тем не менее, полагаем целесообразным использовать его результаты для последующих выводов. Как известно, характер форманта во многом предопределяет специфику основ, к которым он присоединяется. Несложно заметить, что на сопредельных территориях преобладают форманты, которые чаще всего присоединяются к основам антропонимного характера либо смежным с ними по семантике. Топонимный антропоцентризм, доминирующий в современной ойконимии, возник на позднем этапе ее формирования и почти в равной степени свойствен всем анализируемым территориям. Но характер антропонимных основ, вошедших в ойконимию, в каждом случае имеет свои особенности.

На территории белорусско-литовского и белорусско-латвийского пограничья достаточно широко представлены ойконимы, восходящие, соответственно, к балтийским именам, прозвищам и другим лексемам, указывающим на человека

и пришедшим в ойконимию через посредство антропонимии. Проиллюстрируем несколькими примерами названий населенных пунктов, расположенных в Браславском районе. Данный район наиболее интересен в топонимическом и лингвокультурологическом отношении. Созданный 15 января 1940 года, он, во-первых, значительно выделяется среди остальных количеством населенных пунктов. На момент подготовки к печати нормативного справочника «Назвы населенных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць» [7] на территории Браславского района числилось 699 поселений при среднеобластном показателе 310. Во-вторых, ойконимия Браславщины, в том числе и в силу количественных показателей, отличается разнообразием основ и формантов. В-третьих, здесь особенно ярко проявляется приграничное положение территории.

Название населенного пункта *Берженішкі* восходит к балтскому корню *bērsz*, *beržas* – ‘береза’. Отнесение данного ойконима к числу антропонимных обусловлено двумя факторами: во-первых, характером форманта; во-вторых, наличием у латышей и литовцев фамилий с данным корнем. Ойконим *Вангишкі* происходит от *vangus* – ‘ленивый, неповоротливый’. Названия *Жвірблі* (3 населенных пункта) и *Жвірблішкі* содержат в основе лексему *zvirbulis*, *žvirblis* – ‘воробей’, которая, очевидно, так же, как и в случае с примером *Берженішкі*, попала в ойконимию через посредство антропонимии. От литовских слов происходят названия *Ілгэйцы* (*Ilgas* – ‘длинный’) и *Плебаны* (*klebonas* – ‘ксендз, пастор’), последнее подверглось фонетической и графической ассимиляции, а также некоторые др. Иноязычные основы имеют не только антропонимные ойконимы, но и названия других типов, в частности ландшафтные. Так, например, к литовскому слову *balá* (болото) восходит лимноним *Балойса*, комоним *Баліны* (сохранился только в Верхнедвинском районе) и еще несколько ныне утраченных ойконимов.

Внутренняя топонимическая граница региона, как уже отмечалось, является и условной линией конфессионального и диалектного деления. В юго-западной части Витебской области преобладает православная население, а в большинстве северо-западных районов проживает больше католиков. Естественно, что католические имена послужили основами для образования группы антропонимных географических названий. Определить точную величину данной группы на сегодня не представляется возможным, так как у католиков и православных значительная часть именика является общей. С уверенностью можно говорить лишь о тех основах католических имен (как правило, римского происхождения или имеющих признаки полонизмов), которые не встречаются у православных: *Альбіновицина*,

Альби́новка (Альбин – лат. *альбус* – белый); Альбрéхтово (от фамилии Альбрехт, восходящей к имени Альберт – немецкое видоизмененное Адальберт: *адаль* – благородный + *берт* – блестящий); Барбарíишки, Барбарíна (Барбара, в православном именнике Варвара, из греч. *чужеземная*); Вацлаво́во (польское Вацлав, в православном именнике Вячеслав, от *вяще* – больше + *слава*); Винце́нтово (западное Винцент, у восточных славян Викентий, из греч. *побеждающий*); Герма́новичи, Германóвщина (из лат. *германус* – родной, близкий, единоутробный); Казіме́рцы, Казимирóво (имя польского происхождения, *Казимеж* – от *казать* + *мир*); Мартíнишки, Мартíновцы, Мартинéлевичи (Мартин – лат. *Мартинус*, производное от имени римского бога войны Марса); Марья́нополье (Марьян, Мариан или Марьяна, из лат. *Марианус*, производное от древнеевр. *Мария*); Рома́нишки (лат. *Романус* – римский, римлянин) и др. Этимология имен приведена по «Словарю русских личных имен» А.В. Суперанской [8].

Рассматривая ойконимию пограничья, важно остановиться на группе этнопонимов – географических названий, особенно ценных в лингвокультурном отношении: они, во-первых, несут информацию о национальном составе жителей региона, миграции и других процессах; во-вторых, являются свидетельством, с одной стороны, принятия чужаков коренным населением региона, а с другой, их этнической дифференциации, отражающейся в оппозиции «свой – чужой». Данная дихотомия есть подтверждение того факта, что на приграничье не происходит полного «смешения» соседствующих народов. Показательно, что на территории белорусско-литовского и белорусско-латвийского приграничья фиксируются, причем не единично, такие названия, как *Латышки, Латыши, Латышонки, Литовцы, Литовщина*. К ним примыкают и этнопонимы, образованные от названий исчезнувших народов: *Видзы, ВидзыЛовчинские, Нурвяны, Нурвянцы*. На белорусско-российском пограничье этнопонимы представлены в меньшем количестве.

Заключение. Значительная часть ойконимии Витебщины фактически формировалась в условиях пограничья, поэтому многие названия населенных пунктов несут на себе следы взаимодействия белорусов с другими народами, а также следы взаимовлияния двух «внутренних» культур: северо-западной католической и юго-восточной православной. Лингвокультурологический подход к понятию границы позволил выделить три граничные линии: 1) восточную и юго-восточную; 2) северо-западную; 3) внутреннюю.

При этом лингвокультурная и топонимическая граница не может быть отражена в виде четкой линии на карте, а представляет собой определенную территорию, где постепенно угасают признаки одной топонимной системы и начинают сначала проявляться, а затем активизироваться признаки другой. Чем ближе языковые и культурные особенности жителей обеих сторон пограничья, тем более близкими являются топонимные системы, а значит, понятие границы и пограничья приобретает в значительной мере характер условности.

В силу исторических причин витебский топонимический ареал в восточном направлении выходит за пределы административно-территориальных границ, несколько углубляясь на территории соседних областей: Смоленской и Псковской. Наиболее яркими особенностями характеризуется северо-западная граница, отделяющая Витебщину от Литвы и Латвии.

Литература

1. Колосов, В.А. Теория границ: трансформация смыслов и подходов к изучению / В.А. Колосов // Российско-Украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства. / Отв. ред.: В. А. Колосов и О. И. Вендина. – М.: Новый хронограф, 2011. – С. 13.
2. Материалы международного научного семинара «Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние» (Смоленск, 1 декабря 2011 года). – Смоленск: СмолГУ, 2011; Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования: материалы Международной научно-практической конференции, Смоленск, 17 – 18 марта 2015 года / отв. ред. И.А. Королева. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015; Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сборник научных статей / сост. : А.М. Мезенко, Е.А. Зайцева, О.В. Швернинова ; под науч. Ред. А.М. Мезенко. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2016.
3. Смоленщина и Витебщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние: коллективная монография. – Смоленск: Изд-во «Маджента», 2014.
4. Евсева, О.С. Топонимия смоленско-витебского приграничья: структурно-семантический аспект. Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук. – Смоленск, 2015.
5. Будаев, Д.И. Смоленская область (исторический очерк) / Д.И. Будаев // Смоленская область. Энциклопедия. – Т. 2. – Смоленск: СГПУ, 2003. – С. 438.
6. Никонов, В.А. Славянский топонимический тип / В.А. Никонов // Вопросы географии. Сборник 58. – Москва, 1962.
7. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік / У. М. Генкін, І. Л. Капылюў, В. П. Лемцёгава; пад агул. рэд. В.П. Лемцёгавай. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 669 с.
8. Суперанская, А.В. Словарь русских личных имен / А.В. Суперанская. – М.: Изд-во Эксмо, 2003.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.